

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-579-595

EDN: EVGPWG

УДК [811.161.1:811.411.21]'25'367.622.22

Научная статья / Research article

Словообразовательная специфика диминутивов в русском и арабском языках и ее значение при переводе

Р.А. Аль-Фоади¹ , В.Н. Зарытовская²

¹ Багдадский университет, Багдад, Республика Ирак

² Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 raheem.ali@cis.uobaghdad.edu.iq

Аннотация. Рассматривается словообразовательная специфика диминутивной лексики в русском и арабском языках. На фоне того, что определения диминутивов в различных языковедческих традициях далеко не всегда обнаруживают морфологические особенности этого лексического пласта, авторы сосредотачиваются именно на словообразовательной мотивации в образовании диминутивов в русском и арабском языках, которое и становится предметом исследования. В этой связи особое внимание уделяется критерию О.Г. Винокура и его арабской параллели — параметру средневекового арабского филолога Ибн Фариса, которые служат базой для раскрытия структуры и семантики производных слов в обоих языках. Авторы, прибегая к сравнительному методу, анализируют спектр значений и коннотаций, возникающий в результате словообразовательной мотивации диминутивной лексики в обоих языках — уменьшительности, ласкательности, убавления количества, в том числе специфические для арабского значения близости времени и места и усиления и их формальное выражение в обоих языках. Не упускаются из виду также основы перевода диминутивной лексики. Выделяя три важные основы переводческой адекватности — структурной, семантической и когнитивной, которые влияют на переводческий процесс при достижении эквивалентности. Делается вывод о сложности соотношения и, соответственно, определенных трудностях в переводе диминутивов. Для этого авторы в своих рассуждениях выходят из сферы чистой лингвистики и обращаются к культурологической сфере, без которой сегодня немыслимо говорить о полноценной переводческой деятельности. Работа вносит вклад в теоретическое языкознание как сравнительное исследование семитских и восточнославянских языков, а также дополняет недостающее звено в относительно молодую частную теорию русско-арабского перевода.

Ключевые слова: уменьшительные суффиксы, арабский язык, словообразовательная мотивация

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.09.2024; дата приема в печать: 13.12.2024.

© Аль-Фоади Р.А., Зарытовская В.Н., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Аль-Фоади Р.А., Зарытовская В.Н. Словообразовательная специфика диминутивов в русском и арабском языках и ее значение при переводе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 579–595. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-579-595>

Word-Forming Specificity of Diminutives in the Russian and Arabic and its Significance in Translation

Raheem A. Al-Foadi¹ , Victoria N. Zarytovskaya²

¹University of Baghdad, Baghdad, Republic of Iraq

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

 raheem.ali@cis.uobaghdad.edu.iq

Abstract. The word-formation specificity of diminutive vocabulary in Russian and Arabic is considered in this paper. On the background of the fact that the definitions of diminutives in various linguistic traditions do not always reveal the morphological features of this lexical layer, the authors focus on the word-formation motivation in creating diminutives in Russian and Arabic, which becomes the subject of the study. In this regard, special attention is paid to the criterion of O.G. Vinokur and his Arabic parallels are the parameters of the Arabic medieval philologist Ibn Faris, which serve as the basis for revealing the structure and semantics of derivative words in both languages. The authors, resorting to the comparative method, analyze the range of meanings and connotations resulting from the word-formation motivation of diminutive vocabulary in both languages — diminutiveness, endearment, reduction of quantity, including the closeness of time and place specific to the Arabic meaning and amplification of meanings and their expression in both languages. The basics of translating diminutive vocabulary are also not overlooked. Highlighting three important foundations of translation adequacy — structural, semantic and cognitive, which affect the translation process when equivalence is achieved, the authors come to the conclusion about the complexity of the relationship and, accordingly, the translation of diminutives. To do this, the authors in their reasoning leave the sphere of pure linguistics and turn to the culturological sphere, without which today it is unthinkable to talk about a full-fledged translation activity. The work contributes to theoretical linguistics as a comparative study of the Semitic and Slavic languages, and also complements the missing link in the relatively young private theory of Russian-Arabic translation.

Keywords: diminutive suffixes, Arabic language, derivational motivation

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflicts of interest: The authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 01.09.2024; accepted: 13.12.2024.

For citation: Al-Foadi, R.A., & Zarytovskaya, V.N. (2025). Word-Forming Specificity of Diminutives in the Russian and Arabic and its Significance in Translation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 579–595. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-579-595>

Введение

Вопрос содержательной стороны диминутивов глубоко проработан европейскими, российскими, а также арабскими лингвистами на материале родных языков. Диминутив в европейском языкознании рассматривается как

«слово, измененное для передачи основного значения корня в меньшей степени, выражения уменьшенного размера объекта или его качества, а также для передачи чувств нежности или близости»¹. Понятие диминутивности, применяемое к европейским языкам, по существу, ничем не противоречит дефинициям, представленным в русской и арабской лингвистических традициях. Так, в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой «диминутив» представлен как «уменьшительно-ласкательная форма слова — *медвежонок, ручка, столик*»². Отметим, что здесь дается общее представление о морфологической форме данного пласта словаря, однако не обозначаются конкретные способы образования таких дериватов, поскольку перечисление нескольких примеров не дает возможности полного понимания механизмов создания диминутивной лексики, тем более понимания принципов ее перевода с одного языка на другой. О.С. Ахманова в свою очередь под уменьшительностью понимает «обобщенное значение малого объема, размера и т.п., обычно выражаемое посредством уменьшительных аффиксов и сопровождающееся различными эмоциональными окрасками — ласкательности, уничижительности и т.п.»³. В данном определении не только раскрывается функция этой семантической группы слов, но и обозначаются средства выражения диминутивного значения.

Что касается арабского языкознания, то в нем, как и в русском, в научный оборот введен целый ряд определений диминутивности. Так, Аль-Азхари, рассматривающий данное языковое явление в качестве средства выражения объема, размера и количества, полагает, что семантически диминутивность — это «уменьшение» [1. Р. 559]. А. Аль-Сухейли описывает уменьшительность имен как процесс изменения, в результате которого создается новое слово. В его понимании диминутивность представляет собой такое изменение имени, при котором оно обозначает уменьшение номинированной им вещи и «малость» ее частей [2. Р. 50]. Отдельные языковеды включают в дефиницию грамматические показатели, описывая диминутив как «слово, к которому было прибавлено что-то, чтобы обозначать его уменьшение» [3. Р. 190]. В данном случае указывается на наличие морфологического преобразования дериватов-диминутивов, которое придает производному слову значение уменьшительности и/или ласкательности. Арабские исследователи также говорят об образовании диминутивной лексики как об изменении значения, поэтому данный лексический пласт для них — это измененная форма существительного, которым сопровождается изменение его

¹ Glossary – D to F [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://web.archive.org/web/20081227150101/http://www.standards.dfes.gov.uk/secondary/keystage3/respub/mflframework/appendices/glossary_of_terms/d_to_f/ (дата обращения: 27.12.2022).

² Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1985, С. 61.

³ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : УРСС, 2004, С. 102. EDN: QQUQNX

значения — *уничтожения, уменьшительности, придания большего значения* и др. [4. Р. 64]. В последней дефиниции подчеркивается возможность «уменьшительности» слов для разных прагматических целей, но на особенности механизма преобразования производящих основ внимания не обращается, как и во многих других определениях. А вместе с тем недостаточная разработанность вопроса способов и средств образования диминутивов в обоих языках при отсутствии сопоставительных исследований русских и арабских диминутивов не позволяет описать основы их двуязычного перевода.

Словообразовательная мотивация диминутивов в русском и арабском языках

Частотное образование слов-диминутивов является одной из характерных особенностей современного русского языка с его богатыми деривационными возможностями для создания подобных единиц. В арабском языке образование единиц этого типа также распространено и регулярно. Поэтому сравнительное изучение формальной стороны данного явления в обоих языках представляет определенный научный интерес, особенно в областях сравнительной морфологии и переводоведения, где оно практически не получило освещения.

Современные лингвистические исследования показывают, что ключевая роль в образовании диминутивов принадлежит словообразовательной мотивации [5]. Учитывая, что арабский и русский языки флективные, представляется возможным выделить общие механизмы словообразования обоих — русского (индоевропейского, славянского) и арабского (семитского) — на которые можно опираться при переводе диминутивов в этой паре языков [6. С. 89–92; 7. С. 202–205].

Анализ словообразовательной мотивации в русском и арабском языках — первый шаг к пониманию семантического соотношения диминутивной лексики с ее производящими базами. Например, слово *дружок* не сразу появилось уменьшительным в русском языке. Это производное слово, и его значение невозможно понять без той мотивирующей базы, из которой оно возникло в системе русского языка: *друг* → *дружок*. Согласно известному критерию Г.О. Винокура, «значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» [8. С. 421].

В арабском языке, имеющем многовековую лингвистическую исследовательскую традицию, четко выделяется связь диминутива с мотивирующей основой посредством параметра, упомянутого Ибн Фарисом в труде «Параметры языка», составленном 12 столетий тому назад. Сущность данного параметра заключается в том, что значение производного слова определяется через значение «целого», на базе которого оно было создано [9. Р. 173]. Следовательно, семантическая связь мотивирующих и мотивированных

основ раскрывается тем, что производящая основа представляется «осью всех употреблений одного корня с одним и тем же общим лексическим значением, вокруг которой все значения вращаются и к нему притягиваются» [10. Р. 69].

Также надо учитывать другие деривационные процессы, раскрывающие правила словообразования, по которым дериваты получают свое морфологическое оформление. Русская производная диминутивная лексика приобретает морфологическое оформление с помощью определенных суффиксов, придающих русским дериватам особые грамматические значения: **-ик** (*столик*), **-чик** (*чемоданчик*), **-ок**, **-ёк** (*кружок*, *огонёк*), **-к** (*песенка*), **-оч-к-а**, **-еч-к-а** (*тетрадоchка*, *копеечка*), **-ец**, **-ц-о (-ц-е)**, **-иц-е** (*пальтецо*, *дереvцо*, *платьице*), **-еньк-а**, **-оньк-а** (*маменька*, *берёзонька*), **-ушк-а**, **-юшк-а** (*соседушка*, *волюшка*) и др. Так, в дериватах типа *мешочек*, *цветочек*, *песочек*, *росточек* выделяется словообразовательный формант **-чек**, который несет деривационное значение «уменьшительность». Беглого сравнения производных слов с их производящими основами: *мешок*, *цветок*, *песок*, *росток* достаточно для раскрытия способа образования.

Таким образом, на словообразовательную мотивацию падает нагрузка, с одной стороны, раскрытия семантической связи дериватов со своими мотивирующими базами, с другой — нагрузка выявления деривационного средства, выражающего значение уменьшительности. Это средство заключается в себе морфологические маркеры дериватов — *род*, *число* и *падеж*, в соответствии с которыми склоняются слова русского языка, как и в арабском, и по ним идет процесс синтаксической категоризации.

Морфологическое изменение основы арабского слова происходит по последовательным правилам арабского словообразования, при которых звуковое количество каждого элемента определяется, конкретизируется и уточняется канонами арабского словообразовательного процесса [11. Р. 59–70]. Исходя из того, что арабские языковеды единогласно признают диминутивность как изменение структуры слова для определенных целей [12], есть общее правило образования уменьшительных в арабском языке. Оно заключается в том, что огласовка дамма [u] ставится над первой согласной корня мотивирующего слова, фатха [a] — над второй, к тому же после второго корневого согласного прилагается удвоенный согласный j (с шаддой), огласованный кясрой, далее следует третий корневой. Условно арабский интерфикс диминутивности можно изобразить как **1u2ajji3**, где цифрами в порядке следования обозначены корневые согласные, несущие основное значение. Например: араб. [kitābun] كِتَابٌ, рус. *книга* → араб. [kutajjibun] كُتِّيبٌ, рус. *книжечка*; араб. [zahrun] ظَهْرٌ, рус. *спина* → араб. [zuhajjirun] ظَهَّيرٌ, рус. *спинка*; араб. [kalimatu] كَلِمَةٌ, рус. *слово* → араб. [kulajjimatu] كَلِّمَةٌ, рус. *словечко*; араб. [harrun] هَرٌّ, рус. *кот* → араб. [hurajjirun] هُرِّيرٌ, рус. *котик* и др.

Если в корне арабского слова 4 согласные, либо есть слог с долготой, модификация данного интерфикса с сукуном вместо шадды над j встраивается

и в его структуру. «Лишний» 4 харф заменяет второй **j** — **1u2aj3i4**: араб. [zaūraqun] زَوْرَقٌ, рус. лодка → араб. [zuīajraqun] زُوَيْرَقٌ, рус. лодочка, араб. [ḥandaqun] حَنْدَقٌ, рус. окоп → араб. [ḥunaīdaqun] حُنَيْدَقٌ, рус. окопчик, араб. [tāḡirun] تَاغِيرٌ, рус. купец → араб. [tuīajḡirun] تُوَيْجِرٌ, рус. купчик и др.

В результате флективной категоризации согласных звуков арабского корня, за которым стоит процесс семантического сдвига мотивирующей основы, происходит заметное изменение в его составе. Арабские лингвисты единогласно признают арабский корень ключевым элементом, от которого никак не отделяется базовый смысл арабского слова. Морфологический анализ показывает, что арабский корень является неделимым остатком морфологического членения в синхронном плане, безотносительным к какой бы то ни было форме слова, и в нем выделяются отдельные значимые элементы [13. С. 11]. Базовые элементы арабского корня количественно изменяются, чтобы выразить морфологические значения, в том числе и диминутивность, что требует активизации потенциальных способностей арабского словообразования — внутренней флексии с помощью изменения количества ключевых элементов арабского корня [14]. От количественного изменения арабского корня зависит процесс выделения показателей морфологической категоризации диминутивной лексики.

Мотивирующие слова отличаются от мотивированных дериватов набором отличительных языковых изменений, служащих маркерами новых образованных слов с диминутивным значением. Такое изменение не только формальное, оно влечет целый комплекс морфологических, фонетических и номинативных изменений. Подобные трансформации обнаруживаются не только в арабском, но и русском и английском языках [15]. Именно поэтому мы выделяем принцип интеграции языковых уровней, под которым понимается неделимость и взаимосвязанность минимального уровня — фонетического, второго — морфологического и третьего уровня языкового строя — синтаксиса в процессе морфологической и синтаксической категоризации диминутивной лексики русского и арабского языков.

Ряд арабских лингвистов характеризуют диминутивность тем, что она «представляет собой изменение первоначальной структуры слова с помощью группы звуков, названных морфемой уменьшения. В некоторых случаях, это морфема сопровождается звуковым чередованием и звуковым увеличением или сокращением» [16. Р. 354]. На наш взгляд, нельзя согласиться с тем, что одна морфема может взять на себя задачу выражения диминутивности целиком по нескольким причинам:

1. Процесс диминутивации это не просто присоединение одной морфемы к слову в тех языках, для которых учитывается формальность слова как морфологический критерий выделения грамматической категоризации. На стыке присоединения морфемы к корневой происходят системные

фонетические процессы, облегчающие процесс произношения новообразованного деривата;

2. Некоторые языки характеризуются формальностью выделения морфологических трансформаций. В них применяется система флективных словообразовательных моделей, при которых новые дериваты должны до единого звука рифмоваться со словообразовательной моделью. Так, по упомянутой нами модели, которая также может быть названа *fu 'ajjilun*, с условными корневыми f-‘-l, образуется слова типа араб. [qulajjimun] قُلَاجِيْمٌ рус. карандашик ← араб. [qalamun] قَلَمٌ рус. карандаш; араб. [gurfatun] غُرْفَةٌ рус. комната → араб. [gurajjifatun] غُرَيْفَةٌ рус. комнатка. Каждый звук до огласовки производного диминутивного арабского слова полностью рифмуется с каждым звуком и огласовкой модели, по которой дериват образован. Целостная звуковая материя производных слов обязательным образом совпадает по ритму со словообразовательной моделью, по которой определяются маркеры дериватов. Поэтому ни одна морфема не в состоянии выразить целостное значение уменьшительности, а словообразовательное значение, полученное в результате категоризации слова, выражается комплексом морфологических и фонетических изменений;

3. Ключевое значение связывается с корнем мотивирующей базы, которая флективно мотивируется, чтобы выразить значение нового деривата.

Таким образом, придание диминутивности включает в себя несколько упорядоченных разноуровневых процессов языка. Нельзя сказать, что одно словообразование берет на себя всю задачу формирования уменьшительного слова. Взаимосвязь языковых уровней при словообразовательном формировании дериватов очевидна и продиктована тесной связью фонетики со словообразованием и синтаксисом. Морфологические трансформации влекут за собой изменения звукового состава, что придает производным словам не только иной формальный облик, но и другие грамматические маркеры, по которым дериваты познаются: род, число и падеж дериватов выражаются приобретенными формантами. Благодаря такому порядку межуровневых связей процесс диминутивации можно считать продуктивным явлением в классическом арабском языке [17].

Значения диминутивных единиц в русском и арабском языках

Диминутивная лексика употребляется для выражения спектра значений в русском и арабском языках, и их семантическое соответствие играет ключевую роль в процессе адекватного перевода:

1. **Убавление в размерах и объеме.** Подавляющее большинство созданных слов выражает уменьшение. Одно и то же значение уменьшенного размера/объема выделяется в русском и арабском языках в полном семантическом соответствии, например, рус. *гора*, араб. [ǧabalun] جَبَلٌ → рус. *горка*, араб. [ǧibajjilun] جُبَيْلٌ; рус. *ветка*, араб. [ǧuṣṣun] غُصْنٌ → рус. *веточка*, араб.

[*ḡuṣajjīnun*] غُصَّيْنُ и т.д. — это именно *маленькая, тонкая ветка, невысокая гора* и т.д. Слова *ветка* и *горка* и их арабские эквиваленты разделяют сему «малый размер», выраженную в результате определенных деривационных процессов русского и арабского языков, что облегчает задачу адекватного перевода такого рода слов. Понимание способа образования диминутива и аффикса, присоединившегося к нему в русском языке, и ознакомление с арабскими моделями создания уменьшительности суть руководство при переводческом разборе подобного рода лексических единиц. Одни и те же словообразовательные структуры, участвующие в образовании арабских дериватов данного типа, являются переводческими эквивалентами русских дериватов, созданных аффиксацией. Учитывая, что слова данного типа в обоих языках выполняют одну и ту же семантическую функцию, выражают одно и то же словообразовательное значение и составляют языковое соответствие, мы можем зафиксировать полную переводческую смысловую адекватность.

2. **Ласкательное уменьшение.** Уменьшительно-ласкательные формы широко распространены в русском и арабском языках, в основном они выражают значение ласкательности в обоих языках теми же способами, что используются для выражения уменьшения в размерах. Например: рус. *остров*, араб. [*ḡazīratun*] جَزِيرَةٌ → рус. *островок*, араб. [*ḡuṣajjīratun*] جُزَيْرَةٌ; рус. *луч*, араб. [*ṣu 'ā 'un*] شُعَاعٌ → рус. *лучик*, араб. [*ṣu 'ajji 'un*] شُعَيْعٌ. Различить, в каком именно из двух значений использован диминутив — в уменьшительном или ласкательном — помогает только контекст употребления, в котором лексическая единица приобретает свой окончательный смысл.

Обращает на себя внимание частеречная принадлежность уменьшительно-ласкательных диминутивов и их включенность в определенные семантические поля. Прежде всего способность русских и арабских прилагательных подчиняться правилам диминутивации флективно, без участия дополнительного слова или агглютинации. При этом в русском языке прилагательные-диминутивы созданы с помощью определенных суффиксов — **-оньк, -еньк** — *сухонький, жиденький, красненький* и т.д., которые мы наблюдаем и в существительных типа *душонка, мужичонка*, но в ином значении — пренебрежительном, либо с суффиксом **-оват, -еват**, но не со значением ласкательности, а со значением недостаточности или слабого проявления признака у качественных прилагательных типа *темноватый, суховатый, рябоватый* и т.д.

В арабском же качественные прилагательные в качестве форманта принимают аффикс уменьшительности с удвоением йота **1-й корневой-у-2-й корневой-ajji-3-й корневой (1u2ajji3)**: рус. *младший*, араб. [*sagīirun*] صَغِيرٌ → рус. *младшенький, малюсенький*, араб. [*suḡajjīrun*] صُغَيْرٌ.

В свою очередь прилагательные цвета подчиняются в арабском и русском тем же правилам: араб. [*ḥamrā'u*] حَمْرَاءُ, рус. *красная* → араб. [*ḥumajjirā'u*]

حُمْرَاءُ, рус. красенькая; рус. синий, араб. [āzraqi] أَزْرَقُ → рус. синенький, араб. [‘uzajraqi] أُزْرَقُ.

3. **Пренебрежение к уменьшенному объекту.** В русском и арабском есть специфические способы образования пренебрежительной лексики, и флективные модели образования такого типа слов в них уже определены как аффиксы пренебрежения [18]. Соответственно, в арабском это упомянутый выше инвариант интерфикса диминутивности **1u2aj3i4**, в русском — суффиксы **-ка, -чек, -чик, -ек, -ушка, -ишко (а)** и др.). Например, рус. рабочий, араб. [ṣāni ‘un] صَانِعٌ → рус. работничек, араб. [ṣūijajni ‘un] صُوَيْجَجْنِي; рус. писатель, араб. [kātibun] كَاتِبٌ → рус. писателишка, араб. [kūijajtibun] كُوَيْجَجْتِبٌ; рус. поэт, араб. [šā ‘irun] شَاعِرٌ → рус. поэтишка, араб. [šūijaj ‘irun] شُوَيْجَجْ إِرُون. Необходимо отметить, во-первых, что пренебрежительная диминутивная лексика употребляется в русском и арабском языках с той же стилистической окраской, что говорит о возможности полной семантической адекватности перевода. Во-вторых, поскольку пренебрежение в основном выражается к лицу, персоне, а не предмету и вещи, как мы видим из арабских примеров, «уменьшение-пренебрежение» с большой частотностью применяется к действительным причастиям 1-й породы глагола с долготой на **а** после 1-го корневого. При образовании пренебрежительной формы по известной модели уменьшительности после 1-го корневого следует слабый арабский согласный **вау**, заменяющий в этой модели 2-й корневой, остальные буквы в составе слова выстраиваются соответственно модели. Таким образом, язык формирует инвариант интерфикса, позволяющий различать два диминутива одного корня, например, диминутив неодушевленного существительного книга и диминутив причастия рус. писатель (пишущий), араб. [kātibun] كَاتِبٌ → рус. писателишка, араб. [kūijajtibun] كُوَيْجَجْتِبٌ и рус. книга, араб. [kitābun] كِتَابٌ → рус. книжечка, араб. [kutajjibun] كُتَّيْبٌ соответственно.

Переводческий процесс данного типа диминутивной лексики обеспечивается знанием переводчика словообразовательной модели арабского языка в ее инвариантах, употребляемой для выражения пренебрежения при диминутивности. Что касается перевода русских эквивалентов, арабскому переводчику нужно быть знакомым с несколькими перечисленными аффиксами, выражающими пренебрежительное уменьшение, и узусом их употребления, так как одному арабскому аффиксу в русском соответствует их целый ряд далеко не всегда взаимозаменяемых аффиксов, как например в зайюшка — заинька.

4. **Убавление количества.** Суффиксы уменьшительности широко употребляется в обоих языках для одновременного выражения снижения количества чего-либо и уменьшения объекта в размерах. Например, рус. шаг, араб. [ḥuṭiātun] حُطَوَاتٌ → рус. шажки, араб. [ḥuṭajjātun] حُطَّيَاتٌ; рус. кусок, араб. [luqmatun] لُقْمَةٌ → рус. кусочек, араб. [luqajjimaturun] لُقَّيْمَةٌ. Слово шажки — уменьшенное от «шаги» — образовано для выражения сниженного

количества *шагов*. Например: *В нескольких шажках от нас присела кошка*. Очевидно, что в данном высказывании есть указание на очень небольшое количество маленьких шагов. Также слово *кусочек* во множественном числе используется для того, чтобы показать сниженное количество. *Мы попробовали вкусные кусочки мяса*. В арабском здесь наблюдается полная переводческая адекватность: لقد ذقنا لقيمات لذیذة من اللحم.

5. **Близость времени.** Данный случай интересен тем, что для выражения этого значения в арабском диминутивом становится предлог, чему в русском невозможно провести аналогию. Русский предлог *до* в отличие от арабского [qabla] قَبْلَ не имеет уменьшительной формы в русском языке со значением «за очень короткое время до..», как араб. [qubajjila] قُبَيْلَ, или «спустя очень короткое время» от араб. [ba'da] بَعْدَ → [bu'ajjida] بُعَيْدًا.
6. **Близость места.** При выражении близости места в арабском языке также диминутивом становится предлог, который широко употребляется не только в диалектах, но и в литературном языке, например, араб. [tahta] تَحْتَ, рус. *под* → араб. [tuḥajjita] تُحَيِّتَ, которому в русском нет эквивалента с такой же грамматической структурой и которой может быть передан только лексически — «недалеко под чем-то»; араб. [faūqa] فَوْقَ, рус. *над* → араб. [fuūajjiqa] فُؤَيْقَ, в русском — «невысоко над чем-то».

Усиление значения. В данном случае слово, морфологически становясь диминутивом, усиливает выражаемое им качество. То есть диминутивация слова происходит с обратной целью — повышения его статуса, объема, места, позиции и др., например, араб. [dāhījātun] دَاهِيَّةٌ, рус. *хитрец* → араб. [duūajjihiyatun] دُوَيْهِيَّةٌ, рус. *хитрован* — еще больший хитрец; араб. [baṭalun] بَطْلٌ, рус. *герой* → араб. [buṭajjilun] بُطَيْلٌ, рус. *геройчик* — еще больший герой-молодец.

Таким образом, в русском и арабском языках действуют относительно близкие правила создания диминутивов на основе внутренней флексии, несмотря на разные морфологические инструменты-аффиксы — суффикс и интерфикс. Значительная часть диминутивов выявляет полное семантическое соответствие.

Вместе с тем в русском суффиксы диминутивности образуют более сложную картину, так как их употребление обуславливается значением, частью речи, категориальной грамматической принадлежностью, стилистикой, а зачастую — узусом. У одного русского слова может быть два диминутива, например: *береза* — *березка* — *березонька*, *окно* — *оконце* — *окошечко*, *сухонький* — *суховатый*. И это представляет определенную трудность для переводчиков-арабов. Так, *сухонький* имеет значение ласкательности и употребляется в отношении людей, например, *сухонький старичок*, а *суховатый* — в значении «немного сухой» — *суховатый хлеб*. Один и тот же суффикс может быть использован для образования существительного-диминутива и прилагательного диминутива, причем в практически антонимичных

значениях — в первом случае речь идет о пренебрежении (*мужичонка*), во втором — о ласкательности (*тоненький*). Большую роль играет частеречная принадлежность слов, поскольку не все части речи могут образовывать диминутивы в русском и арабском языках. Если арабские предлоги могут подчиняться диминутивации, то такого рода морфологической категоризации не отмечается в русском языке. Кроме того, в русском за существительным закреплены одни суффиксы диминутивации, за прилагательным — другие, их два (**-оньк**, **-оват**), первый из которых применяется и для образования существительных в том числе. В арабском части речи, которые могут быть уменьшительными (помимо существительных, прилагательные, в том числе прилагательные цвета, и предлоги), подчиняются одним и тем же словообразовательным моделям в арабском языке, которые соответствуют строгим флективным правилам морфологической категоризации арабских дериватов. В арабском в отдельную подгруппу с инвариантом аффикса собраны только формально «выделяющиеся» слова, которые имеют 4 харфа либо построены по форме действительного причастия.

Разноуровневые основы перевода диминутивов

Сравнительно-сопоставительные исследования, рассматривающие словообразовательные процессы, подготавливают теоретическую основу для достижения переводческой эквивалентности. Анализ, учитывающий состав производящей основы и форманта, выявляет значимые части, входящие в состав лексической единицы и выражающие морфологические значения. Посредством его «вытаскиваются» значимые элементы в языке-оригинале (основы-корни и аффиксы), эквиваленты которых воспроизводятся в языке перевода, и тем самым достигается переводческая эквивалентность. Так, в русском мотивирующая основа — *мост*, производное с суффиксом уменьшения **-ик** — *мостик*, в арабском [ḡisrun] جِسْرٌ преобразуется посредством интерфикса уменьшения в [ḡusajjirun] جَسَّيْرٌ.

Очевидна огромная роль словообразовательной структуры дериватов в отражении не только структурной эквивалентности, но и грамматической маркировки (род, число, падеж, тип склонения), которая достигается разными способами в обоих языках. Уверено можно сказать, что структурная основа перевода играет большую роль в достижении переводческой адекватности при переводе с русского на арабский и наоборот. Вопрос в том, существуют ли другие основы перевода?

Если структурная основа перевода берет на себя задачу выяснить составляющие элементы, входящие в производное слово и раскрывающие его грамматическую маркировку, то существует и другая основа, показывающая семантическую эквивалентность. С помощью *семантической основы* выделяется и проверяется семантическая точность перевода, но и она требует еще раз прибегать к словообразовательной мотивации, чтобы пояснить

семантическую основу переведенных текстов. Семантическая основа перевода зависит от двух аспектов. Первый — это семантическое соотношение производного слова со своей производящей базой (внутриязыковое соответствие — *мостик* полностью соответствует семантически слову *мост*, за исключением вносимой приобретенной за счет аффикса **-ик** семы уменьшительности). Второй — это адекватное семантическое соответствие деривата на одном языке семантике деривата на другом (межъязыковое соответствие, например, рус. *мост* (через реку) семантически соответствует арабскому [ʕisrun] جِسْرٌ, как и в другом значении — *стоматологический мост* — جِسْرُ الْأَسْنَانِ). Первый аспект семантической основы выясняется принципом словообразовательной мотивации в обоих языках, поскольку в них обоих признается мотивация, а семантика дериватов понимается только со ссылкой на значение производящего слова. Второй аспект подразумевает эквивалентное словоупотребление, создающее одинаковые смыслы в обоих языках. Одновременно достигается и частеречная эквивалентность. Так, прилагательные, выражающие цвет в русском языке, образуют диминутивы по правилам русской аффиксации и переводятся арабскими диминутивными прилагательными, которые выражают цвет. При этом семантическая основа перевода действует не отдельно, а в комплексе со структурной основой, поскольку первая представляет семантическую сущность эквивалента, а вторая оформляет его по строевым правилам языка.

В арабском языке структурная и семантическая основы действуют одновременно, поскольку арабское слово есть неделимая звуковая ткань, включающая в себе согласные элементы, рифмованные по словообразовательной модели арабского языка. В нем действует словообразовательная мотивация, раскрывающая структуру и семантику производного слова по рифмованным моделям. Но главный элемент мотивации и семантики — это согласные звуки арабского корня, с которыми связывается вещественное значение слова. Выделение повторяющихся ключевых согласных арабского корня в производящих и производных словах есть лучший показатель семантической мотивации. Ср.: рус. *ум*, араб. [ʕqlun] عَقْلٌ → рус. *умишко*, араб. [ʕqajjilun] عَقِيلٌ; рус. *палец*, араб. [ʕšbiʕun] إصْبَعٌ → рус. *пальчик*, араб. [ʕšajbiʕun] أَصْبَعٌ; рус. *волосы*, араб. [šʕʕrun] شَعْرٌ → рус. *волосики*, араб. [šʕʕajjirun] شَعِيرٌ и т.д.

Эти две основы — структурная и семантическая — являются ключевыми показателями точности переводческой деятельности в межъязыковой коммуникации носителей языков разных структур. Структурная основа перевода в русском языке выделяется по производящей базе и форманту, которые вместе образуют дериват, а семантическая основа является совокупностью значений и форманта. В арабском языке семантическая основа есть ключевой элемент корня, которые повторяются в производных и производящих словах. Выделяя структурные и семантические основы русского и арабского языка, переводчик достигает адекватного перевода.

Без выделения семантической переводческой основы перевод буквален, каким мы его наблюдаем в первых переводах священных текстов религиозных книг [19]. Поэтому выделение структурной и семантической основ перевода недостаточно для достижения переводческой адекватности диминутивной лексики с русского языка на арабский и наоборот. Напомним, что буквальным можно признать перевод, в котором учитываются структурные элементы без учета других лингвистических основ, перевод, при котором соблюдают формальные элементы оригинала [20. С. 234], но нарушаются или оказываются искаженными нормы языка перевода.

Не всегда семантическая и структурная основа могут удовлетворить нормативным требованиям переводческой адекватности без применения третьей переводческой основы — когнитивной, учитывающей специфические признаки языка, культуры, истории и фольклора. Переводоведение в настоящее время рассматривает перевод как элемент международной коммуникации. Оно ориентируется на контекст культуры, определяя культуру как комплексную «систему всех систем» языка, которая состоит из разных подсистем типа науки, технологий и культуры [21. Р. 112]. «Для исследования закономерностей переводческой деятельности большой интерес представляют особенности языка, прямо или косвенно обусловленные культурой носителей языка» [22. С. 63–64]. Для репродукции текста-оригинала и образования нового текста на языке перевода, восприятие языка становится когнитивной основой достижения переводческой деятельности [23. С. 45]. Поэтому перевод некоторых арабских слов нуждается в глубоком знании специфики арабской культуры. Например, арабские слова *جُنَيْدِي*, *سُوَيْعَةٌ*, *دُوَيْهِيَّةٌ*, *رُجَيْلٌ* не просто уменьшенные слова, а содержат определенные коннотации — «плохой мужчина», «огромное горе», «очень короткое время», «слабый или недостойный солдат». Носители арабского языка понимают смысл без толкований, и переводчику необходимо передать эти когнитивные особенности арабского слова. Так, русское *солдатик*, *солдатишка* не соответствует арабскому *جُنَيْدِي* — «слабый или недостойный солдат», самое близкое — *солдатишка*, «плохой мужчина», соответствует скорее *мужчинка*, чем *мужичок*. А семантика слова *поэтик* не эквивалентна [*šaijaj 'irun*] *شَوَيْعِرٌ* так как в арабском это означает *жалкий поэт*, *поэтишка* а не *маленький*, *юный поэт*. Арабское слово *دُوَيْهِيَّةٌ*, что означает «огромное, чудовищное горе», будучи по форме диминутивом, зачастую, без привлечения лингвокультурологической базы, понимается как *хитренький человек*, но перевести его в таком значении было бы ошибкой.

Безусловно, чтобы достичь эквивалентности, необходимо проникать в культурную подсистему языков, задействованных в переводе, и широкий контекст перевода. Только пересечение границ между культурами позволяет понимать реальный смысл слова и учитывать, что уменьшительность в арабском языке может употребляться для выражения увеличения. При

этом переводчик осознает, что он раздвигает границы между культурами [24. Р. 25–26], опираясь на еще одну основу переводческой эквивалентности — культурную, признанную дополнительной составляющей переводческого процесса [25. С. 132].

Таким образом, успешная переводческая деятельность обеспечивается взаимосвязанными основами, необходимыми для достижения переводческой эквивалентности. Без тесного взаимодействия этих основ перевод любого типа лексики становится практически невозможным либо ошибочным. Процесс обработки и познания переводческих основ диминутивной лексики идет последовательно. Переводчикам сначала необходимо разобрать слово по словообразовательным элементам, входящим в состав дериватов. Далее анализируется семантическая основа перевода — нужно подобрать сему, несущую эквивалентный корень в арабском и русском языках. Сверка семантической основы есть двойное действие, поскольку сначала надо найти сему, содержащую в себе точный смысловой эквивалент, и дальше обработать ее так, чтобы она подчинилась словообразовательным правилам языка перевода. Следом вступает когнитивная основа, по которой отмечаются специфические признаки языка — культурные особенности, которые влияют на результат перевода и которые лежат за пределами чистой лингвистики.

Заключение

Итак, мы рассмотрели механизмы и способы создания диминутивной лексики в русском и арабском языках с позиций сравнительной морфологии, семантики и переводоведения — тех областей знания, где данная группа единиц получила наименьшее освещение в научной литературе. Для переводческой деятельности с формальной точки зрения имеет значение, что диминутивы в обоих языках образуются по относительно общим правилам, с помощью внутренней флексии, однако в русском — это суффиксы, а в арабском — интерфиксы. При этом арабский интерфикс один, он имеет лишь модификации в зависимости от того, в какую мотивирующую основу он встраивается — в трех- или четырехсогласную, в морфологическую модель существительного или в модель действительного причастия. В русском языке набор уменьшительных аффиксов гораздо богаче и группируется как по значениям, например исключительно уменьшительности либо пренебрежения, так и по частям речи — у прилагательных особые суффиксы. Вместе с тем образование диминутивов не столь примитивно, поскольку, как показано в работе, они демонстрируют неделимость и взаимосвязанность фонетического, морфологического и синтаксического уровней языка, их комплексную трансформацию. Русские и арабские диминутивы характеризуются семантической близостью, однако в арабском аффикс уменьшительности участвует также в образовании таких специфических значений, как значения близости времени

и места и усиления. Все это позволило подойти к пониманию принципов перевода диминутивов с одного языка на другой и обозначить их переводческие основы — не только семантическую и структурную, которые удовлетворяют нормативным требованиям переводческой адекватности, но и когнитивной, ориентированной на контекст национальной культуры.

Библиографический список

1. 2006. *الازهرى أ.ك. التصريح على التوضيح*, بيروت: دار الكتب العالمية، 2006. Аль-Азхари А.К. Заключение о разъяснении в грамматике. Бейрут : Дар аль-Кутуб аль-Аламия, 2006.
2. 1992. *السهيلي أ. نتائج الفكر في النحو*. بيروت. دار الكتب العالمية، 1992. Ас-Сухайли А. Результаты грамматических исследований. Бейрут : Дар аль-Кутуб аль-Аламия, 1992.
3. 1982. *الاسترباذي أ.ر. شرح شافية ابن الحاجب*. بيروت: دار الكتب العالمية، 1982. Аль-Истрабази А.Р. Разъяснения Шафии Ибн аль-Хаджиба. Бейрут : Дар аль-Кутуб аль-Аламия, 1982.
4. 2003. *العريقات م. الجرجاني م. العريقات*. بيروت: دار الكتب العالمية، 2003. Аль-Джерджани М. Толкования. Бейрут : Дар аль-Кутуб аль-Аламия, 2003.
5. Сафонова Е.В. Падежные валентности арабского и русского глагола : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : Издательство РУДН, 2008. EDN: NKQMD
6. Александрова О.И., Абдалрахман М.Х. Родительный падеж в грамматических системах русского и арабского языков // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 9. С. 89–92. EDN: ZRIVSF
7. Унежева М.К. Трудности, возникающие у арабских студентов при изучении падежной системы русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11(65). Ч.1. С. 202–205.
8. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1959. С. 419–442. EDN: WTIEVF
9. 1979. *أبن فارس. معجم مقاييس اللغة*. عمان: دار الفكر، 1979. Ибн Фарис. Словарь основ языка. Амман : Дар аль-Фикр, 1979.
10. 2006. *جبل م.ح.. الاشتقاق نظريا وتطبيقا، القاهرة: مكتبة الآداب*، 2006. Джабаль М.Х. Теоретическое и практическое словообразование. Каир : Библиотека аль-Адаб, 2006.
11. Аль-Фоади Р.А., Мингазова Н.Г. Трехуровневый фонограмматический строй и его словообразовательное связующее звено: элементы языковой структуры (на материале арабского языка) // XLinguae. 2018. Т. 11. № 4. С. 59–77. <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.04.06> EDN: NDIZNF
12. Arabiat R.M., Al-Momani I.M. Diminution in Arabic: A suggested strategy to Mona Baker's non-equivalence problem "differences in form". Journal of Language and Linguistic Studies. 2022. № 18(1). P. 85–93. <https://doi.org/10.52462/jlls.168>
13. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М. : Восточная литература РАН, 2001.
14. Аль-Фоади Р.А., Зарытовская В.Н., Аль-Рознамачи Р.Х. Словообразовательная мотивация в русском и арабском языках и ее роль в достижении переводческой эквивалентности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 652–668. <https://dx.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-652-668> EDN: RNNQZG
15. Карам Р.А. Словообразовательная структура зоокомпонентов с глагольной основой в языках различных типов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 105–109. EDN: KYSEYJ
16. 2006. *جبل م.ح.. الاشتقاق نظريا وتطبيقا، القاهرة: مكتبة الآداب*، 1998. Хазим К. Ирабимен. Багдад : Библиотека аль-Адаб, 1998.
17. Bin Mukhashin Kh. Diminutives in English and Hadhrami Arabic // Journal of Humanities. 2018. Vol. 15. Iss. 1257–266. P. 257–266.

18. *Nakshabandi A.* Diminutives in classical Arabic and the urban Hijazi dialect // *Linguistic Communication Periodical*. 1996. № 7. P. 1–15.
19. *Карпов И.А.* Буквализм древних переводов Библии и проблема адекватной передачи семантики исходного текста // *Вестник ВГУ. Серия лингвистика и международная коммуникация*. 2003. № 2. С. 45–49. EDN: PKIJVB
20. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высшая школа, 1990.
21. *Steiner R.* Philosophy, cosmology and religion: Ten lectures given at the Goetheanum in Dornach, Switzerland, Sept. 6–15, 1922. New-York : Anthroposophic Press, 1994.
22. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М. : ЭТС, 2000.
23. *Шокатаева Р.С.* Восприятие как когнитивная операция в познавательной-репродуктивной переводческой деятельности // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2013. № 4(37). С. 45–50. EDN: RIVQXT
24. *Пым А.* Translation and Text Transfer: An Essay on the Principles of Intercultural Communication. Frankfurt am Main: Peter Lang. 1992.
25. *Злобин А.Н.* К проблеме межкультурной составляющей переводческой компетенции // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2009. № 4. С. 129–139. EDN: KYSIZJ

References

1. Al-Azhari, A.K. (2006). *Explanation of the statement on the clarification*. Beirut: Dar al-kutub al-‘ilmiyyah (In Arab.).
2. Al-Suhaili, A. (1992). *The results of thinking in Syntax*. Beirut: Dar al-kutub al-‘ilmiyyah. (In Arab.).
3. Al-Istrabadi, A.R. (1982). *The explanation of Shafia Ibn Al-Hajeb*. Beirut: Beirut: Dar al-kutub al-‘ilmiyyah. (In Arab.).
4. Al-Jurjani, M. (2003). *Definitions*. Beirut: Dar al-kutub al-‘ilmiyyah. (In Arab.).
5. Safonova, E.V. (2008). *Case valencies of the Arabic and Russian verbs*. Author. dis. ... cand. philol. Sciences. Moscow: RUDN University. (In Russ.). EDN: NKQMAD
6. Alexandrova, O.I., & Abdalrakhman, M.Kh. (2017). Genitive case in the grammatical systems of Russian and Arabic. *Bulletin of the Vyatka State University*, 9, 89–92. (In Russ.). EDN: ZRIVSF
7. Unezheva, M.K. (2016). Difficulties encountered by Arab students in the study of the case system of the Russian language. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, (11), Part 1, 202–205. (In Russ.).
8. Vinokur, G.O. (1959). Notes on Russian word-formation. *Selected works on the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz, 419–442. (In Russ.). EDN: WTIEVF
9. Ibn, Faris. (1979). *Dictionary of Language Standards*. Amman: Dar al-fikr. (In Arab.).
10. Jabal, M.H. (2006). The theoretical and practical derivation. Cairo: Maktabat al-adab. (In Arab.).
11. Al-Foadi, R.A., & Mingazova, N.G. (2018). The three-level phono-grammar order and its derivational connecting link: The elements of language system (on the material of Arabic). *XLinguae*, 11(4), 59–77. <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.04.06> (In Russ.). EDN: NDIZNF
12. Arabiat, R.M., & Al-Momani, I.M. (2022). Diminution in Arabic: A suggested strategy to Mona Baker’s non-equivalence problem “differences in form”. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 18(1), 85–93. <https://doi.org/10.52462/jlls.168>
13. Grande, B.M. (2001). *The course of Arabic grammar in comparative historical coverage*. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN.
14. Al-Foadi, R.A., Zarytovskaya, V.N., & Al-Roznamachi, R.H. (2021). Motivation of Word Formation in Russian and Arabic Languages and its Role in Achieving Translation Equivalence. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 652–668. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-652-668> (In Russ.). EDN: RNNQZG

15. Karam, R.A. (2009). Word-formation structure of zoocomposites with a verbal basis in languages of various types. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2, 105–109. (In Russ.). EDN: KYSEYJ
16. Hazim, K. (1998). Inflection of names. Baghdad: Maktabat al-adab. (In Arab.).
17. Bin Mukhashin, Kh. (2018). Diminutives in English and Hadhrami Arabic. *Journal of Humanities*, 15 (1257–266), 257–266.
18. Nakshabandi, A. (1996). Diminutives in classical Arabic and the urban Hijazi dialect. *Linguistic Communication Periodical*, 7, 1–15.
19. Karpov, I.A. (2003). Literalism of ancient translations of the Bible and the problem of adequate transmission of the semantics of the source text. *Bulletin of VSU. Series Linguistics and International Communication*, 2, 45–49. (In Russ.). EDN: PKIJVB
20. Komissarov, V.N. (1990). *Translation theory (linguistic aspects)*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
21. Steiner, R. (1994). *Philosophy, cosmology and religion: Ten lectures given at the Goetheanum in Dornach, Switzerland, Sept. 6–15, 1922*. New-York: Anthroposophic Press.
22. Komissarov, V.N. (2000). *Modern translation studies*. Moscow: ETS. (In Russ.).
23. Shokataeva, R.S. (2013). Perception as a cognitive operation in cognitive-reproductive translation activity. *Questions of cognitive linguistics*, (4), 45–50. (In Russ.). EDN: RIVQXT
24. Pym, A. (1992). *Translation and Text Transfer: An Essay on the Principles of Intercultural Communication*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
25. Zlobin, A.N. (2009). On the problem of the intercultural component of translation competence. *Questions of cognitive linguistics*, (4), 129–139. (In Russ.). EDN: KYSIZJ

Сведения об авторах:

Аль-Фоади Рахим Али, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета языков, Багдадский университет (10001, Ирак, г. Багдад, Аль-Джадирия, квартал Аль-Каррада); *научные интересы*: общее языкознание, сопоставительное языкознание; *e-mail*: raheem.ali@cis.uobaghdad.edu.iq
ORCID: 0000-0001-8699-9596, SPIN-код: 2228-3794, AuthorID: 942990.

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *научные интересы*: сопоставительное языкознание, функциональная грамматика и лексикология арабского языка, методика преподавания арабского языка, современная арабская литература; *e-mail*: widaad@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9910-7913; SPIN-код: 4434-9391, AuthorID: 613573.

Information about the authors:

Raheem A. Al-Foadi, Dr.Sc. (Philology), Associate Professor of the Russian Language Department, College of Languages of the University of Baghdad (Bab Al-Mudam, Baghdad, Republic of Iraq, 10047); *Research interests*: general linguistics, comparative linguistics; *e-mail*: raheem.ali@cis.uobaghdad.edu.iq
ORCID: 0000-0001-8699-9596, SPIN-code: 2228-3794, AuthorID: 942990.

Victoria N. Zarytovskaya, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198); *Research interests*: comparative linguistics, functional grammar and lexicology of the Arabic language, methods of teaching the Arabic language, modern Arabic literature; *e-mail*: widaad@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9910-7913; SPIN-code: 4434-9391, AuthorID: 613573.